

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Марцинковский Владимир Филимонович (1884 — 9 сентября 1971)

Содержание:

- [Жизненный вопрос](#)
- [Видимая бессмыслица](#)
- [Каким должен быть смысл жизни?](#)
- [Четыре группы людей](#)
- [Откровение о Логосе](#)
- [Что это значит?](#)
- [Оптимизм](#)
- [Как найти смысл жизни?](#)
- [Евангелие света](#)

Жизненный вопрос.

Одна народная учительница в России писала: «Если я потеряю веру в смысл моей работы, я не доживу до утра». Не о том же ли говорит Достоевский в своих «Записках из Мертвого дома»: «Если бы заставить каторжника переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно – я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтобы хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки. Разумеется, такое наказание обратилось бы в пытку».

«Ужас бесцельности и ужас бессилия» – вот два ужаса, которые смертельно поражают волю человека.

Знать определенную цель, иметь перед собой ту или иную задачу – и не иметь сил ее выполнить – какое это невыносимое страдание!

Но еще более тяжело – иметь силу, обладать кипучей энергией, да не знать, к чему эту силу приложить. «Тяжело от силушки, как от грузного бремени», – говорит богатырь Святогор в русской былине. Не отсюда ли тоска, скука, упадок воли к жизни? Ужас бесцельности – это поистине глубокая трагедия, столь знакомая молодежи, полной сил и здоровья, но не имеющей веры в смысл и ценность жизни. Для чего жить? Стоит ли жить? Для чего изо дня в день трудиться, а тем более когда этот труд тяжел и подчас непосилен? Для чего терпеть лишения, страдать, приносить жертвы? Кто из нас в дни юности не знал этого томления духа, этой жажды найти такую цель жизни, ради которой мы были бы готовы страдать и умереть? О, тогда нашлась бы и сила! Ибо самое бессилие в значительной степени рождается от бесцельности. Лишь цель делает волю цельной, собирает наши силы, направляя их в одну точку. О, дайте нам цель, которая была бы способна нас вдохновлять! Тогда и жертвовать собою ради ее достижения была бы радость! Без такой цели

человек не может иметь ни удовлетворения, ни душевного равновесия. Такой цели требует психология здоровой воли.

Воля есть способность желать, решать и действовать. Чтобы иметь крепкую волю, надо знать «конечную цель и ближайший шаг к ее осуществлению». Даже для того чтобы перепрыгнуть через ручей, я должен проделать известную душевную работу, «координацию» воли. Моя цель – быть на другой стороне ручья. Для этого я должен сделать прыжок. Стоит мне в момент прыжка усомниться в его необходимости или возможности, и я попаду в воду. Но, кроме таких небольших будничных целей, нужна еще одна – общая – цель жизни, которая отвечала бы основной, центральной идее жизни, тому, что называется ее смыслом.

В дни моей юности в Петербурге произошел следующий трагический случай. Студент технологического института Н. праздновал день окончания высшей школы. Какая это радость! Сколько упорного труда, бессонных ночей, волнения на экзаменах, сколько нужды и недоедания стоило это торжество! Наконец достигнута мечта долгих лет – вот он уже инженер с блестящей перспективой полезного и интересного труда в своем отечестве. Сегодня у него праздник. Студент просит квартирную хозяйку поставить самовар, купить булок. Она возвращается через некоторое время и – о, ужас! Молодой человек лежит на полу бездыханный с простреленным виском. Впоследствии выяснилось, что он погиб от сознания бессмысленности бытия. В течение целого ряда лет его целью было получить диплом инженера. Но вот эта цель достигнута, а что же дальше? А дальше – зияющая пустота, ужас бесцельности. У него была лишь временная цель, но не было вечного смысла, который ставил бы перед волей все новые, очередные задачи, высшие задания.

В переживаемые нами дни мирового кризиса и переоценки всех ценностей, в дни «великого русского рассеяния», с небывалой остротой встает этот жгучий вопрос: есть ли в жизни отдельного человека, народа и всего человечества смысл? если есть этот смысл, то в чем он заключается?

*Что тайна от века?
И в чем существо человека?
Откуда приходит? Куда он идет?
И кто там вверху над звездами живет?*

- так вопрошает юноша, размышляющий у берега моря (в известном стихотворении Гейне). Утомленный пустою светской жизнью, Пушкин повторяет тот же вопрос:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной Ты на казнь осуждена?...*
*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою*

Однозвучный жизни шум.

А Лермонтов, полный горького разочарования, пишет:

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной...
Придет ли ангел избавленья
Сказать мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей?
Молчу и жду...*

Поэты и мыслители бьются над загадкой бытия: какая мысль осуществляется в природе и истории? Стоящая ли это мысль? Имеет ли она вечную, абсолютную ценность? Существует ли в жизни не только мысль, но и смысл, мысль единая, над всем царящая, все объясняющая – сомысль, сомыслие, смысл, мысль, дающая единство (синтез) всего, так чтобы можно было сказать: все служит этому единому смыслу, «все служит Ему»? Есть ли в мировом процессе бытия великая единая мысль, которая способна рождать великую волю? Каков смысл моей личной жизни? Для чего я живу?

Смысл жизни освещает наш путь для мышления, для разума. Смысл жизни – это идея высшей, неизменной ценности бытия. Когда же эта идея, эта мысль становится заданием для нашей воли, тогда она превращается в цель.

Слово «цель» взято из охотничьего языка. Индийский мыслитель Будда уподобляет человека охотнику, который не спускает глаз с двух точек – с конца стрелы, положенной на тетиву лука, и с головы ястреба, парящего над ним. Вот он собрал свою волю, весь сосредоточился на одной цели – как бы не промахнуться! Да и цель-то надо найти верную, стоящую, чтобы не бороться за призрачные ценности, как городничий в комедии Гоголя «Ревизор», или сражаться с ветряными мельницами, как рыцарь-фантазер Дон-Кихот. Только великая цель может сделать человека цельным, захватить его всецело, его исцелить, умудрить к целостности, уцеломудрить, поднять (сублимировать) от всего мелкого, нечистого к истинной цельности, целомудрию духа и тела. Не будь же подобен охотнику, который целится в сосновую шишку, принимая ее за куропатку. Найди цель, которая стоит заряда. Тем более когда зарядом должна служить энергия всей жизни, сила молодости, которая не повторяется, ибо поистине – «страшно потерять молодость»! Страшно идти навстречу участи, о которой говорит Лермонтов в своем стихотворении «Дума»;

*Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш с строгостью судьбы и гражданина
Потомок оскорбит презрительным стихом,*

*Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

И далеко не все равно, как мы смотрим на будущность человека и мира. Русская девушка Дьяконова в своем «Дневнике курсистки» пишет, что в ней поколебалась **вера в смысл жизни** после того, как она услышала на лекциях профессора физики, что все идет к уничтожению и человек идет в ничто, «в никуда». Последними словами характерно назывался один роман эпохи переворота в России. Оторвавшись от старых ценностей и не найдя новых, человек оказался на распутье, на бездорожье, растерянный, потерявший руль, увлекаемый силою ветров и бурь... в никуда.

Видимая бессмыслица

Не правы ли пессимисты, те, которые мрачно смотрят на жизнь и не видят в ней ничего светлого? В самом деле, если понаблюдать за жизнью человека, то можно прийти к печальному заключению. В этой жизни, по-видимому, господствуют страдание, зло, неправда; в ней царствуют грех, болезнь и смерть. Недаром египтяне помещали на своих пирах мумию, как грозное напоминание о смерти: *memento mori*.

Мой друг, студент-медик, читал как-то в Одессе доклад своим сотоварищам на тему о бессмертии. На столе перед собой он положил внушительное «вещественное доказательство», а именно – человеческий череп...

Это ли не лучший судья всех наших теорий? Вот он бесстрастно смотрит на нас своими глазными впадинами – этими жуткими черными безднами. А этот ряд оскаленных зубов?.. Не чудится ли в нем неотразимая, холодная, костяная усмешка, безжалостный смех над всеми нашими розовыми мечтами о жизни? Если на земле властвует смерть, то какой может быть вопрос о смысле жизни, когда и самой-то жизни нет, а есть лишь постоянно повторяющийся обман, мираж, призрак жизни? Мы рождаемся, чтобы умереть. Неужели же смерть и есть цель жизни? И все наши стремления, порывы, труды и жертвы кончаются кладбищем? Больница, тюрьма и кладбище – вот три учреждения, которые господствуют в жизни, по выражению русского мыслителя Бердяева. И если это так, то поистине можно прийти лишь к безысходному отчаянию и утверждать лишь бессмыслицу жизни.

Мир действительно лежит во зле, глубоко погряз в болоте греха и неправды. И тот, кто не видит ничего, кроме этой темной стороны действительности, поистине должен признать, что жизнь есть «циническая насмешка над человеческим страданием». Тогда понятной становится вся эта «мировая скорбь», начиная от Соломона («суета сует и все суета и томление духа») и кончая пессимистами нашей эпохи. Немецкий мыслитель Шопенгауэр (1788-1860), автор книги «Мир как воля и представление», называет жизнь маятником между скукой и страданием. «Нужда – бич народа, скука – бич знати». Человек с его желаниями – «вечно томящийся Тантал». Согласно греческой легенде, он наказан в аду муками неудовлетворимости: когда он

наклоняется к воде, чтобы напиться, вода уходит от него; когда он протягивает руку к плодам, висящим на дереве, ветка удаляется от него. Стрдание рождает в человеке хотение, а хотение вновь приводит к страданию. Высшее благо – безвольное состояние: «тогда уже все равно, смотреть ли из темницы, или из дворца на заходящее солнце». Однако отсутствие хотений приводит к еще большему бедствию: оно порождает убийственную скуку, пустоту. В то же время Шопенгауэр порицает самоубийство, называя его «напрасным и безумным поступком». Единственный выход для человека он видит в аскезе, в подавлении воли, в уничтожении хотений...

Гартман (род. 1842), написавший произведение о пессимизме (*Nur Geschichte der Begründung des Pessimismus*), считает всякое счастье самообманом. Есть лишь иллюзии счастья. Их три: в настоящем, в загробной жизни и в будущем прогрессе. И потому – «сон без сновидений относительно счастливейшее состояние, ибо это единственный случай полного отсутствия страданий». Так называемые земные блага – «здоровье, молодость, свобода, богатство – есть лишь условия нулевой точки ощущения». Человек испытывает радостное ощущение, когда у него прекращается зубная боль. Но ведь отсутствие зубной боли есть и у бездушного камня. Гартман усматривает в жизни безумие желанья и бедствие бытия. Безмятежность небытия (нирвана) – высшее блаженство.

Итальянский поэт Джакомо Leopardi (1798-1837) в своей «Истории человеческого рода» обосновывает безысходный пессимизм. По его мнению, люди ненавидят жизнь и их усилия направлены к тому, чтобы избавиться от нее. Знание истины делает их еще более несчастными, поистине повергает их в «горе от ума», как сказал бы наш сатирик Грибоедов. Любовь создает лишь иллюзии, строит призраки счастья. Подобный пессимизм заставил Лермонтова воскликнуть с отчаянием:

*И жизнь, как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.*

Как легкомысленны те, кто закрывает глаза на мрачную действительность! Их беспечное веселье – «пир во время чумы», безумная пляска на краю пропасти; их ОПТИМИЗМ, жизнерадостность свидетельствуют лишь о мещанском самодовольстве, о «мелкобуржуазных идеалах» сытости и комфорта. Пессимисту Шопенгауэру ставят в заслугу именно то, что он своими разоблачениями «сорвал маску с фарисейского буржуазного самодовольства». Отсюда понятен бунт Лермонтова против пустоты светского, мещанского самоудовлетворения:

*И так хотелось мне сорвать веселость их
И бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!*

Перед лицом житейской мелочности и пошлости понятно восклицание Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!»

У Леонида Андреева «Жизнь человека» – лишь ряд жестоких разочарований. Их конец – смерть, зияющая могила, и на краю ее – жуткая пляска старух, своей заунывной, однообразной песней отпевающих царственную красоту человека.

Безотрадную оценку жизни дал еще за шесть веков до Рождества Христова индийский мыслитель Будда. Он жил в царских палатах среди роскоши и неги. Но вот он вышел однажды за стены дворца и увидел жизнь в ее неприглядном, неприукрашенном виде: он встретил больного человека, потом дряхлого старика и наконец мертвое тело, которое несли хоронить. И он пришел к заключению, что в этой жизни господствуют болезнь, старость и смерть, в ней царствует страдание. Страдание же происходит от желания, которое в конце концов не может быть удовлетворено. Поэтому надо вытравить в себе желание, путем аскетических упражнений уничтожить в себе личность, раствориться в небытии «нирваны».

Ясно одно: этой жизнью, данным растительным, животным прозябанием жить действительно не стоит. Поистине, на этом свете жить скучно, и не только скучно, но и страшно. Будда был прав относительно окружающего нас мира: этот мир лежит во зле, как свидетельствует апостол Нового Завета Иоанн. Будда жил за шесть веков до явления в мир Христа. Он знал лишь неприглядную действительность «мира явлений», и потому понятен его пессимизм. Он наблюдал лишь этот «свет», который на деле оказывается царством тьмы. И не преувеличивает герой трагедии Шекспира, Гамлет, когда в припадке уныния восклицает: «Весь мир – тюрьма». Да, мир, как он есть, он весь тюрьма, весь – больница и даже дом душевнобольных, весь – кладбище гниющего человечества, где бессмертна лишь смерть (*solum mors immortalis est*).

Но, может быть, существует другой, иной мир, в котором на деле сбывается наша мечта о прекрасной действительности? Поищем же другого света, того, который был бы достоин этого великого имени. Ибо поистине царства света жаждет душа. И если жаждет, то даром. Через эту жажду тайный голос, инстинкт жизни говорит, что этот свет истинный, этот смысл бытия существует.

Каким должен быть смысл жизни?

Какой смысл мог бы удовлетворить всех нас? Всех без исключения, без различия расы, национальности, партии, религии? Какой смысл может удовлетворить человека, отвечать всем возвышенным стремлениям человечности, всем запросам существа, носящего на себе чело вечности, всем требованиям разума, совести и чувства прекрасного – предстать пред нами как Истина, Добро и Красота?

Прежде всего этот смысл должен быть возвышенным, прекрасным, способным

вдохновлять, поднимать вверх, ввысь над всеми невзгодами, над всеми перегородами, которые настроили мы, люди, в своей эгоистической, слепой, сектантской узости. Верно говорит поэт Бялик, что в сердце человека таится и гнездо орлиное, и нора ехидны. Оно влечет человека и к надзвездным высотам, оно же тянет его в прах и грязь земли. Авраам, человек веры, был призван идти к далекой, возвышенной цели в неведомом краю. Ему было дано обетование сделать потомство его, как звезды на небе и как песок на берегу моря. С тех пор сыны веры идут, взирая на звезды. Но увы! как часто мы думаем лишь о песке, о прахе земном, о материи, забывая завет звездный!

Ища истинный смысл, как бы нам не промахнуться, не продешевить! Как бы, по словам французского писателя Виктора Гюго, «не принять за звезды следы гусиных лапок на мокром песке»! Помни, что ты чело-век, существо у которого чело должно быть обращено к вечности. По-гречески «человек» – «антропос»; это значит: существо, обращенное лицом вверх. Туда-то, к высотам надзвездным, и влекут нас крылатые мечты юности.

В Москве, на курсах для рабочих, я как-то читал лекции о возвышенных идеалах русской литературы, о Боге, о Христе в русской поэзии. Кое-кто из администрации курсов протестовал против этих лекций, во имя материализма и безбожия. Вопрос обсуждался на совете рабочих в моем присутствии. В результате из шестнадцати членов совета пятнадцать встали на мою сторону. Один из них, рабочий-металлист, своеобразно и попросту выразил резолюцию в мою защиту: «Надо же нам что-нибудь и о небе воображать!..» Недаром писал Достоевский: «Если охладает в тебе вдохновение, касание мирам иным, то станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее». Не отсюда ли, от изменности идеалов, духовный упадок в современной молодежи, разочарование в жизни и даже безочарование? Материализм с его отрицанием жизни, духа, Бога и бессмертия не может насытить человека. «Тесно орлу летать в клетке!» Он задыхается без выси лазурной и простора безграничного, широкого, как русские степи, как безбрежное море.

Я видел в Лондоне, в зоологическом саду, орлов в огромной клетке. Они неуклюже слонялись, опустив крылья, толкаясь и натываясь на железные решетки. Им не было простора, где бы они могли расправить свои могучие крылья, не было разлету! Какая жалкая картина! Подобно этому ни один из нас, кто молод душой, не найдет удовлетворения в узких и тесных рамках материализма. Поистине он будет тосковать и томиться душой, как один из героев Достоевского, который изо дня в день, глядя в окно, видит перед собою одну и ту же «проклятую стену Мейерова дома», заслоняющую горизонт. Материализм, не признающий ни неба над нами, ни вечности перед нами, заслоняет от нас, подобно этой стене, и небо, и солнце, и синие дали. Молодежь, рожденная летать, никогда не согласится ползать в прахе, пресмыкаться в низинах материалистических теорий. Не забудет она тоски по идеалу, которая звучит в словах Лермонтова:

Звезды и небо!.. Звезды и небо, а я человек.

*Люди друг к другу зависть питают,
Я же завидую звездам, прекрасным,
Только их место занять бы хотел!*

Этой тоски не забыть, не избыть человеку!.. Далее, мы хотели бы найти смысл жизненный, не отвлеченный, не воображаемый только в мечтах, в построениях фантастической утопии (этим словом английский писатель Томас Мор (1770-1852) назвал совершенную, идеальную страну, которая, однако, не имеет места на земле, а существует только в воображении поэта), а действительно существующий, если не в нас, то в жизни вообще, смысл сущий, бытийный (онтологический), «оправданный и историей, и биологией». Быть жизненным – значит быть пребывающим, неумирающим, вечным. Никто из нас сознательно не согласился бы работать на ветер, для мыльных пузырей, как бы ни были они на время чарующе красивы! В трудное положение попал однажды великий итальянский скульптор Микеланджело, которому его правитель Петр Медичи поручил в день своего рождения сделать его статую... из снега. Она была сделана, но в первый же теплый день растаяла под жаркими лучами солнца. Труд гения пропал без следа. Как жаль! Между тем, так поступаем и мы, когда живем только для этого преходящего мира: изо дня в день, из года в год мы лепим статуи из снега, трудимся напрасно, «трудимся для огня».

В Палестине я посетил коммуны, члены которой исповедуют материалистическое мировоззрение, отрицают Бога и бессмертие. Я спросил их: «Скажите, какова цель вашей работы, если нет бессмертия? Ведь это значит, что вы трудитесь для кладбища». «О, нет, мы трудимся для будущего поколения», – ответил мой собеседник. «Но ведь и будущее поколение умрет. И опять выходит, что вы трудитесь для кладбища. Оно-то и есть конец всех ваших трудов, жертв и страданий. Стоит ли жить ради такой кладбищенской программы?». Неужели нам утешаться лишь тем, что мы, по словам Достоевского, послужим «навозом для гармонии будущих поколений»? Да притом еще, что и сама эта гармония сомнительна?

«Если нет бессмертия, то все позволено», – говорит тот же русский писатель. Мы могли бы сказать в данном случае: «Если нет бессмертия, то все бессмысленно».

Наконец, мы согласились бы принять лишь такой смысл жизни, который доступен всем, всегда и при всяких обстоятельствах – и на родине, и на чужбине, и на свободе, и в тюрьме; смысл жизни должен быть осуществимым и исполнимым для всех.

Как известно, Будда не принимал в свою монашескую общину целый ряд людей, а именно: калек, пьяниц, убийц, так как он, по своей человеческой ограниченности, не надеялся их исправить.

Мы жаждем смысла всечеловеческого, который не исключал бы участия в жизни никакого бедняка, ни бездарного, бесталанного или глубоко падшего

человека. Мы ищем смысла, в свете которого нет на земле обездоленных, отверженных, нет в мире лишних.

Вот такого смысла ищет каждый душевно здоровый человек – смысла прекрасного, жизненного, вечного, всем доступного.

И неудивительно, что мы скоро разочаровываемся в различных ответах на вопрос о смысле жизни, предлагаемых нам творцами различных философских течений.

Одни говорят нам, что смысл жизни заключается в наслаждении. Так учат сторонники гедонизма (от греческого слова «гедонэ» – «удовольствие»). «Будем есть и пить, ибо завтра умрем!» Но где доказательства того, что мы умрем и не будем жить после смерти? Наши мысль, разум, совесть, внутреннее ощущение (интуиция) подтверждают откровение Библии о бессмертии и вечности. Она говорит нам: помни, что ты умрешь (*memento mori*). Она же предупреждает: помни, что ты будешь жить (*memento vivere*), существовать после смерти. И не вызывают ли все наслаждения и удовольствия этого мира уже и теперь чувства пресыщения, скуки, потери самого желания жить (*taedium vitae*)?

Сторонники эвдемонизма говорят нам, что смысл жизни есть благо (от греческого слова «эвдемония» – счастье, благосостояние). Но в чем же оно? Где такое благо, которое удовлетворяло бы вышеупомянутым требованиям человека?

Проповедники утилитаризма видят смысл жизни в достижении пользы (от латинского слова «*utilis*» – «полезный»). Но в чем эта польза – абсолютная, вечная, всем доступная?

Последователи материализма, признающие только видимую, осязаемую материю, отрицающие природу духа, вечность, приводят нас к тупику, к глухой стене отчаяния, безысходности и бесцельности.

Все подобные теории, поскольку они представляют собою искреннее искание человека, в пределах его собственных сил, рождают лишь новые вопросы, для него непосильные...

Четыре группы людей

Каждый человек так или иначе определяет свое отношение к данному вопросу. Одни, утомившись в бесплодных поисках и потеряв охоту задавать себе труд упорного искания, опускают руки. Они стараются не думать об этом «проклятом вопросе». Их единственное желание – уйти от докучной, неразрешимой думы, забыться.

Они, по выражению французского поэта-лирика Бодлера, «опьяняются». Опьяняются в прямом, физическом смысле – алкоголем. Они одурманивают себя никотином (в курении), опиумом, морфием, помогающими им хоть на время уйти от будничной, серенькой, неприглядной жизни. Люди уходят в

мир мечты, забываются в искусстве, в театре и в кино, подчас даже в религиозном экстазе. Не отсюда ли склонность к нездоровым мистическим радениям (у хлыстов и т. п.)? Они зачитываются книгами, уходят в дело, не давая себе передышки, чтобы опять не встал в сознании тревожный, мучительный вопрос: зачем? для чего? Эти люди боятся не восьми часов ежедневного труда, а остальных шестнадцати часов досуга, когда они могут остаться с самими собой и опять оказаться перед лицом все того же неотвязного вопроса. К чему все это? Куда я иду? Зачем я живу? И человек ищет все новых способов забвения, самозабвения. А ведь некогда пройдет искусственный дурман, и настанет великое пробуждение, переоценка. Что тогда?

Известный киноартист Макс Линдер потрясал со сцены тысячи зрителей веселым смехом. И вдруг в 1925 году он и его жена покончили с собою. Тот, кто опьянял своим смехом толпу, опьянялся и сам – и своим смехом, и аплодисментами, – пока не пришло пробуждение. Оно показало лишний раз, что улыбкой человек подчас заслоняет глубокую трагедию души.

Один из наших соотечественников, русский инженер, работал в Париже на фабрике автомобилей. Дело у него было маленькое: на каждую новую машину, выходящую из фабрики, он должен был вешать фонари. Вешал и вешал, пока не пришел в отчаяние от убийственного, бессмысленного однообразия своей работы... Пошел и повесился...

В драме Леонида Андреева «Дни нашей жизни» изображаются московские студенты, принадлежащие к группе людей опьяняющихся. «Жизнь коротка, а водки много!» «Пойдем шататься по бульвару, ребята!» – таковы лозунги этой молодежи. Они одурманивают себя и алкоголем, и упадочной материалистической идеологией, которая характерно выражается словами их песни: Умрешь, похоронят, как не жил на свете...

Но вот приходит и в их жизни час пробуждения. В конце драмы студентка Оля, оглядываясь на разбитую, легкомысленно проведенную жизнь, восклицает: «Молодости, красоты своей жалко!» А он, герой драмы, студент Глуховцев, уронив голову на стол, беззвучно рыдает...

А что же будет с нами, когда мы придем туда, где новый мир, мир вечности откроется перед нашими очами во всей своей неотразимой действительности?

Недавно в Америке уверовал во Христа один еврейский раввин. В ответ на насмешки единоплеменников, называвших его сумасшедшим, он пишет в своей книге: «Лучше мне казаться безумным теперь, чем быть им тогда!» («Christ finds a rabbi», by George Benedict, Philadelphia, Pa. 1932).

Люди второй категории это те, которые переделывают жизнь внешними способами - путем мирных реформ или насильственных мер, переворотов, путем эволюций и революций. Они не видят смысла в жизни, какова она есть, и они стремятся предписать, придать и даже навязать ей свой вымышленный, надуманный и подчас разумный смысл. Но, увы! При всех этих воздействиях

и переворотах, требующих огромной затраты энергии, стоящих потоков крови и слез, неприглядная действительность по существу не меняется. Больница, тюрьма и кладбище по-прежнему господствуют в ней. Правда, тюрьма кое-где, как, например, в СССР, называется более приятным именем: «дом принудительных работ». А в Париже великие слова, за которые боролась в 1789 году Французская революция: БРАТСТВО, РАВЕНСТВО И СВОБОДА, – красуются на стенах правительственных учреждений, в том числе и на здании тюрьмы. Кладбище, место вечного успокоения, стоит спокойно, нерушимо при всех человеческих режимах. Правда, дорожки между могилами посыпаются желтым песочком, и вместо лопуха надгробия украшаются душистыми гиацинтами. Но никакое благоухание не заглушит зловония разлагающегося трупа. Никакие цветы не закроют зияющую бездну смерти, ее не заставят забыть никакие цветы красноречия! Ничего не меняет и современный крематорий, где сжигают мертвые тела, сжигают трупы, произведения смерти, но не самую смерть. Не забыть ее, не избыть!

В Москве, в годы революции, я спрашивал ее борцов: «Зачем живет человек?» «Чтобы бороться!» отвечали мне. «А зачем бороться?» – «Чтобы жить!» Подобный ответ на вопрос о смысле жизни не может удовлетворить мыслящего человека уже потому, что он представляет собою элементарную логическую ошибку, называемую «порочный круг» (*circulus vitiosus*). Ибо человек не может вертеться в подобном круге, как белка в колесе. Да и белка, заключенная в клетку, томится по простору зеленого леса. Ибо глубоко запала в душу человека разумная, неизбывная мечта о «хрустальной дороге, прямой, как стрела, и в конце ее Солнце!»

Об этих внешних переворотах мудрый автор Екклесиаста произнес бы все тот же приговор; «суета сует и все суета и томление духа»... Нет ничего нового под солнцем. То, что с виду кажется новостью, в конце концов оказывается старой печальной истиной, только рассказанной современным литературным языком.

Поистине, не в том беда, что у нас была революция, а в том наше горе, что революции у нас, в сущности, не было. Не было истинного переворота, истинной переоценки ценностей, коренной перемены в человеке. «Гибель революции без реформации», – справедливо сказал известный мыслитель Гегель. Напрасна революция формы без революции духа, без возрождения человека. Она ограничивается механической чисткой, которая есть не что иное, как перенесение грязи с одного места на другое, перемещение денежного сундука и других буржуазных ценностей из одних рук в другие, из рук буржуа в руки «совбура», советского буржуа, с которым по-прежнему властям приходится бороться. Остаются больница и тюрьма, остаются нужда и неправда, и вдобавок материалистическое строительство осложняет бедность материальную бедностью духа, отнимая у человека небо и лазурные дали.

К переделывателям бессмысленной жизни можно отнести известное

рассуждение Владимира Соловьева: люди спрашивают: что нам делать? Между тем, нужно бы еще самим вопрошающим ответить на вопрос: готовы ли делатели? И если бы хромые, слепые, парализованные стали спрашивать: что нам делать? – то единственно правильным был бы в отношении их совет врачу: исцелился сам, прежде чем исцелять других. Найди прежде сам жизнь осмысленную, преодолевающую болезнь, грех и смерть, и тогда иди, преобразай действительность, строй новую, истинную жизнь.

К третьей группе относятся люди, которые, отчаявшись в поисках истинного смысла бытия, уходят от жизни. Уходят внешне, пытаясь насильственно прервать нить жизни. Уходят внутренне, уходят в себя, замыкаются «в футляр». Покидают людей и удаляются в одиночество. К ним неправильно причисляют христианских отшельников: они уходили не от жизни, а от ее обманов, от опасности духовной смерти; они искали жизни подлинной и углубленной, вдали от мирской суеты, в тишине пустыни. А настоящие беглецы и дезертиры, покидающие фронт деятельного участия в жизни, ищут небытия, буддийской нирваны, свободы от сознания и воли. Утратив волю к жизни, они заболевают душевной болезнью, называемой абулия (потеря способности желать).

*Не лучше ль в тихой безжеланности
Уснуть, как спит ночной ковыль?*

- так выражает духовную усталость современная русская декадентская (упадочная) поэзия. «Я хожу по краю жизни», – говорила мне одна московская студентка этого типа. Нечто подобное переживал и Л. Толстой, когда писал в своем дневнике: «Я жив, но не живу». Этим людям угрожает опасность стать живыми трупами, непогребенными мертвецами, распространяющими вокруг себя трупный яд уныния, подавленности, депрессии. Будучи не в силах совместить жажду смысла с видимой бессмыслицей, люди этого рода сходят с ума, оставляют область ума, оказавшегося банкротом в разрешении загадки бытия. Они уходят... Но куда? Увы! только уходят, и там, куда уходят, они остаются со своею неудовлетворенной душой. Люди этой категории забывают, что этот уход невозможен, что поистине, как выразился митрополит Филарет в своем стихотворном ответе Пушкину: «Жизнь для жизни мне дана», для поисков подлинного, насыщенного бытия.

Невозможен и внутренний, духовный, буддийский уход от жизни. Известно, что подлинный, канонический буддизм оказался неосуществимым на практике. Его исповедует очень незначительная группа людей в Индии и на острове Цейлоне. Распространенная же религия этого имени есть не что иное, как приспособление к действительной психологии естественного человека, в корне изменившее духовные основы буддизма (по существу являющегося атеизмом) в сторону грубых языческих верований и идолопоклонства, (см. капитальный труд В.А. Кожевникова «Буддизм и христианство»).

Но есть и четвертая группа людей – это те, которые нашли жизнь, полную смысла. Они начали с того, что перестали искать ее в себе, в темной, бессмысленной жизни повседневного опыта, ибо это все равно, что искать огня в глыбе льда или света в темном погребе. Они нашли жизнь осмысленную, или, что то же, обрели Живой Смысл, приняли Его, и пошли с Ним.

Немецкий поэт Гете художественно изображает кризис духа в жизни ученого доктора Фауста в драматической поэме того же имени. В поисках истинной жизни и силы для этой жизни Фауст и продумал и испытал все, доступное человеку, но не нашел разгадки тайны бытия. В отчаянии он решает покончить с собой. Вот он уже подносит к своим устам чашу с ядом. Но вдруг до его слуха доносится пение ангелов:

«Христос воскрес? Мир вам, прощенные люди, с небес!»

Как зачарованный, он слушает эту неземную весть о торжестве жизни. Вера и бодрость вливаются в его сердце. Он возвращается к жизни.

Так гениальный писатель отвечает на запросы отчаявшегося человеческого духа – не священник и не проповедник, а светский поэт, далекий от елейного благочестия, чуткий к нуждам и потребностям реальной, действительной жизни. Характерно, что Фауст на пути своих размышлений и духовных исканий останавливается на великом откровении о Смысле, на прологе (вступлении) Евангелия от Иоанна.

Откровение о Логосе

Гениальный русский мыслитель Владимир Соловьев в своей статье «Смысл мира» (представляющей часть произведения «Духовные основы жизни») преклоняется перед данным божественным откровением о смысле мира, смысле бытия. «Вначале было Слово». В оригинальном тексте Евангелия Иоанна Слово соответствует греческому Логос, что значит Смысл. Поэтому в данных стихах действительно дано раскрытие тайны о Смысле. И здесь в коротких и ясных выражениях мы узнаем следующие четыре факта в связи с интересующим нас вопросом.

Во-первых, Смысл есть. Он был уже вначале, искони, когда Бог творил небо и землю. Он есть смысл всеобъемлющий, всеобъясняющий. Вот почему Амос Коменский, чешский мыслитель XVII века, видел в христианском откровении об истине Пансофию, т. е. всеобъединяющую мудрость. Следы, отблеск и влияние этого Смысла можно найти всюду. Подобно этому свет солнца играет и в сиянии радуги, и в переливах алмазов и рубинов, и в сверкании волн морских и капель утренней росы на цветах. «Вся тварь устремляется к Нему», – говорит старец Зосима у Достоевского.

*Вздыхают росы, шепчут травы:
Свете тихий святых славы...*

«Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало

БЫТЬ».

Древнее «незаписанное изречение» Христа (аграфон) говорит: «Разруби дерево, и ты найдешь Меня там. Разбей камень, и ты найдешь Меня там». Он в каждой песчинке, и в звездах далеких. Его ведает, в сущности, каждый человек в разной степени; иногда, может быть, бессознательно. Он – «Свет истинный. Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Этот свет близок сознанию, совести каждого человека. В каждом человеке, как в радиоаппарате, есть светоприемник (детектор), который откликается, реагирует на зов Евангелия, – был бы он только настроен на соответствующую волну. В каждом человеке есть следы Логоса, искра Божия, иногда в скрытом (потенциальном, латентном) состоянии. Это жажда любви, чистоты, жажда Бога. Вот почему на зов Христа отвечает и первобытный дикарь Африки, и культурный житель Европы. Поэтому у пророка Аггея Он называется «Желаемый всеми народами».

Во-вторых, этот Смысл в Его совершенном состоянии пришел на землю, сошел в долину печали и слез, в мир зла и греха. Пришел в лице Иисуса из Назарета.

«Слово стало плотью и обитало с нами, полное Благодати и Истины, и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца».

В записной книжке Достоевского найдены слова: «Условия *sine qua non* (т. е. необходимые) для бытия всего мира заключаются в трех словах: Слово плоть бысть, и вера в эти слова». Христос – воплощенный смысл, идеальный человек. Он – совершенный Бог и совершенный человек. Он – Богочеловек. Его-то и называет Логосом Иоанн. Он – образ совершенной красоты, весь сотканный из лучей любви, правды, чистоты, сочетание неба и земли. Бога и человека. Это – Бог, сказанный на человеческом языке. Недаром говорит о Нем современный русский поэт Бальмонт:

*Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.*

Никто никогда не нашел в Нем ни одного греха или недостатка, хотя тысячи судей со всей строгостью и тщательностью искали их в Нем. Человеческая мысль и совесть не нашли ни одной ошибки в Его учении любви и правды. Во все времена быть подобным Христу, христоподобным – было высшим стремлением людей, жаждущих правды, «града взыскующих». И те, кто приближался к этому идеалу, имели неотразимое влияние на окружающих. Таким был в наши дни апостол Индии Саду Сундар Синг. После его лекции в Цюрихе один из слушателей, коммунист, сказал: «Если бы все христиане были такими, как Сундар Синг, коммунистический переворот не был бы нужен».

В-третьих, этот Смысл победил власть тьмы, греха, смерти. Напрасно стали

бы мы искать в Евангелии похоронных речей, когда-либо произнесенных Христом. Встречая похороны, Он не бежал от них, как Будда, но прекращал их, воскрешая мертвых. Христос умер на кресте, чтобы преодолеть источник зла и первопричину смерти – грех, разъединяющий человека с источником жизни, чтобы восстановить единство всех и всего, исцелить нарушенное всеединство. Он воистину, действительно воскрес телесно и этим показал, что истинный Смысл вечен.

«Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его».

Он не только победил зло по существу (метафизически), но и победит его во всех его проявлениях (исторически), в конце всего (эсхатологически). «Агнец победит их», – сказано в Откровении о царях земных, представляющих власть мира сего.

В Петербурге, перед революцией, архимандрит Михаил, обращаясь к материалистам и атеистам в своей публичной лекции, говорил: «Вы победите, но после всех победителей победит Христос».

Христос – смысл вечносущий, живой. Недаром Фауст, переводя Евангелие Иоанна, затрудняется передать многосодержательное слово «Логос». Он прибегает к словам: смысл, сила, дело – и чувствует, что они недостаточны. Ибо поистине, Живой Смысл включает в себе все эти понятия.

В-четвертых, этот смысл доступен всем, осуществим для всех, кто только принимает Его. И потому-то эти слова в пасхальную заутреню читаются в православных храмах на разных языках – для свидетельства о всемирности и вселенскости Евангелия Света. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божиими».

Так было, когда Он жил на земле: грешницы, мытари, блудница, разбойник находили через веру в Него новую, преображенную жизнь. И так продолжается через всю историю и доньше. Он был и остается Единственным, Кто мог с правом сказать о Себе: «Я путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Этот именно смысл удовлетворяет всем нашим человеческим требованиям, упомянутым выше.

Он – возвышен, божественно прекрасен, ибо – «Слово было Бог». «Бога никто не видел никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». Явил – греч. *экзегезато*, что значит: *выявил, выяснил* (отсюда – экзегетика, богословская наука, имеющая целью изъяснять Божественное Откровение). Этот Смысл – сущий, жизненный, ибо Он был и есть в природе и в истории. Лучи Его действительно разлиты в творении, в истинном искусстве, в возвышенном творчестве избранников человечества. Его следы таятся в глубине сердца даже опустившегося, падшего человека.

Этот Смысл – вечен, ибо Он победил власть смерти. Этот Смысл – доступен всем., ибо он несет в Себе не только зов к возвышенному, к высокой цели, не только свет, но и силу преображающую и тепло согревающее, милующее. Как

луч солнца. Он имеет в Себе свет, тепло и животворную силу, биохимическую энергию – для жизни духа. Он указывает путь, прощает, возрождает.

Не теория и мечта, а действительный опыт подтверждает жизненность этого благовестия. Поистине, миллионы людей из разных племен, языков и народов, все мы, искавшие подлинного пути и пришедшие ко Христу в сознании греха и в жажде правды и прощения, нашли в Нем жизнь, полную смысла.

«И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать».

Вдумаемся в данный ответ Евангелия на наш вопрос и исследуем его в свете разума, совести и опыта.

Что это значит?

Что значит данный смысл жизни и данная цель жизни в практическом отношении? «И Слово было Бог». Постараемся понять эти слова, по крайней мере, в их жизненном приложении. Бог есть смысл жизни, ее ценность и значение. Оставляя Бога, человек теряет смысл, теряет разум. Безбожие является безумием, болезнью духа. Вне Бога – вне смысла. Поэтому и написано издревле: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога».

В Иваново-Вознесенске, в годы антирелигиозной пропаганды, один юноша покончил с собой, оставив записку: «Так как Бога нет, то жить не стоит...» Иногда, впрочем, ставят и такой вопрос: «Если человек существует для Бога, то Бог для чего?» Этот вопрос нелогичен, несостоятелен, ибо Бог есть самодовлеющее, самоценное Существо. Он есть последняя цель, вечная самоцель. Столь же неоснователен и вопрос: «Откуда Бог? кто создал Бога?» Бог не создание и не творение, которое нуждается в Создателе. Он – Творец всего, первопричина всякого бытия.

Всякий, кто знает не только отвлеченные мысли о Боге, но и Самого Бога, имея Его в своем личном, жизненном опыте, таких вопросов не ставит и ими не мучится. Ибо Бог, переживаемый в опыте, заключает в Себе ответ на все вопросы, и потому живая вера в Него полагает конец всем праздным, отвлеченным вопрошаниям, конец мудрствованию и совопросничеству. По-видимому, это знал отчасти и поэт Александр Блок, когда писал в своих стихах: «Бог! Конец пустыне!» Вот почему в ответ на вопрос Пушкина:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем, ты мне дана? –*

митрополит Филарет отвечает:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана.*

Поэт Клюшников также видит источник и смысл жизни:

*Жизнь для жизни мне дана...
Познавать Его в творенье,*

*Видеть духом, сердцем чтить –
Вот в чем жизни назначенье,
Вот что значит в Боге жить.*

И тот, кто знает эту подлинную жизнь, насыщенность этой жизнью, свободен от бесплодных умствований, от рефлексии и самоанализа, от теоретических вопросов, он весь поглощен радостью бытия и жаждою творчества; его занимает вопрос практической мудрости – как наилучше выявить Бога, Божественное начало в повседневной действительности.

Бог – совершенная жизнь, совершенная гармония, любовь. Не без основания Александр Блок передает первый стих Евангелия от Иоанна словами: «Вначале была музыка». Бог – Истина, Добро и Красота, и потому только жизнь с Ним удовлетворяет разум, волю и чувство человека. Он сотворил человека по Своему образу и подобию, и потому только уподобление Богу может удовлетворить человека, и только выявление Его образа в нас есть истинная цель образования, культурного развития человека. Без Него человеку угрожает нравственное без-образие (безобразие), о чем так мудро говорит народ, обращаясь к человеку опустившемуся: «Нет в тебе образа».

Эта «искра Божия», которая таится в глубинах человеческого сознания, должна загореться и вспыхнуть, ярко заплыть и охватить все существо, чтобы потом перекинуться от одного человека к другому, распространяться потоками света и огня во всем мире, до пределов вселенских, космических, на пути к осуществлению конечной цели бытия -чтобы Бог был все во всем. Ученый физик Тиндаль говорит, что цель физической природы есть завоевание солнечной энергии. Поистине цель природы и истории в высшем, духовном смысле есть распространение световой энергии духовного Солнца – Христа, вытеснение тьмы и греха лучами Солнца Правды. «Мы пришли в этот мир, чтобы увидеть солнце», – говорит Бальмонт. Но для человека этого мало. Для такой цели пришли в мир и бессловесные животные. Мы же пришли в мир, чтобы увидеть Солнце Правды – Христа, и не только увидеть, но и облечься в Солнце, стать детьми Солнца, Света не вечернего. Искра физического огня в некотором скрытом (латентном) смысле таится и в мертвом, холодном камне. Нужен удар кресалом, чтобы высечь искру из камня, воскресить ее. Подобно этому искра Божественного огня таится и в каменном, очерствелом сердце человека, погрязшего в грехах и пороках. И для него кресалом, Кресителем является Христос. Он Воскреситель мертвых душ.

Даже злой дух-искуситель в раю не мог поставить высшей цели перед людьми, чем эта: «Будете как боги». Только путь к этой цели он указал ложный – бунт против Бога, и потому на деле он не привел к цели, а отдалил от нее. Советский комиссар народного просвещения Луначарский, провозглашая безбожие в своей лекции, читанной в 1920 году в Москве на тему: «Почему не надо верить в Бога?» – в конце концов выразил цель социального строительства словами: «Братство богов в природе». Только апеллируя к этой исконной, первоизданной, в глубине сознания заложенной

жажде Божественного, можно вызвать в человеке энтузиазм, жажду подвига, самопожертвования. Недаром этот же учитель атеизма еще до революции писал в своей книге «Религия и социализм»: «Религия есть энтузиазм, а без энтузиазма не создавалось ничего великого». Мыслители всех времен, такие как Сократ и Платон, еще до явления в мир Христа, и такие как Ньютон, Паскаль, В. Соловьев, после Р. Х., пришли к вере в этот Смысл. Так верит и «простой народ», непосредственным ощущением (интуицией) постигая то, что мыслитель познает путем логической работы при помощи умозаключений. «Для чего жить?» – спрашивают у сапожника Мартына Авдеича (в рассказе Л. Толстого «Где любовь, там и Бог»). «Жить надо для Бога», – отвечает он в мудрой простоте. Именно так: не для себя надо жить, ибо это было бы самолюбием (эгоизмом, эгоцентризмом), и даже не для других, ибо это было бы человекоугодничеством, народопоклонством (антропоцентризмом), а для Бога, для выявления Божественного начала в себе и в других (теоцентризм). Не для плоти, материи в себе и в других, а для духа. Лишь такая цель может сделать нашу жизнь возвышенной и одухотворенной.

Недостаточно познать идею Смысла, надо уверовать в Него, принять Его и осуществлять Его в жизни. Этот Смысл, хотя Он и заложен в основах бытия, далеко не осуществлен, не распространен во всех областях и сторонах жизни. Ему нужно дать место не только в личной, но и в социальной и международной жизни, во всех существующих отношениях, как мы уже сказали, до вселенских, космических пределов. И когда этот Смысл делается не только предметом наших размышлений, но и задачей для нашей воли, предметом наших действий, он, или, вернее, его осуществление, становится целью нашей жизни. «Цель жизни есть обожествление человечества через приближение ко Христу». Так сказал гениальный философ Владимир Соловьев в своей знаменитой лекции перед тысячами русских студентов в актовом зале С.-Петербургского университета в 1880 году. Известно, что эта лекция вызвала бурные овации среди студенческой молодежи, вначале настроенной враждебно против этого ученого, открыто заявившего о своей вере в Бога и Христа. Под обожествлением он разумел не обожание, а обожение (theosis) в понимании древнехристианских писателей; ради этого пришел в мир Христос. В Его лице «Бог сделался человеком, чтобы человека сделать богом», приобщить к Божескому естеству, обожить его, преобразить и исполнить Своим Духом. Недаром Христос повторил слова древнего откровения: «Вы – боги, сыны Всевышнего все вы» ([Пс. 81:6,7](#)). Там, в этом псалме, за этим великим, торжественным откровением стоит суровая, печальная, трагическая действительность: «но вы умрете, как люди, как всякий из князей». Вырвать Божественное достоинство человека из когтей смерти, вернуть ему потерянный рай, восстановить бывшего царя природы на его престоле – такова была цель Боговоплощения, пришествия в мир Христа. Его задачей было Царство Божие, воцарение Бога в человеке и в мире, обожение человека и всей твари, повсюдное распространение совершенной Божественной жизни, так чтобы Бог был все во всем. Бог – высший,

абсолютный смысл бытия. Заметим: Бог, а не религия, которая может и не отвечать запросам честно ищущего человека, ибо она может быть и ложной, фарисейской и саддукейской, ибо религия есть лишь отношение к Богу, и потому ценность ее условна, относительна. «Насытить бессмертную душу человека может только Бог», не идея Бога, а Сам Бог, так же, как жажду может утолить не мысль о воде, а лишь сама вода. И как воду надо пить, принять в себя, так и Бога недостаточно иметь в нашем сознании, созерцании, в мышлении, надо дать Ему место в нашем сердце, в нашей воле, в практической повседневной деятельности, в личной и общественной жизни.

Христос является совершенным осуществлением Божественного смысла. Он – всечеловеческий идеал, идеальное свершение смысла. В Нем поистине Бог все во всем. К подобному осуществлению смысла призваны и мы все. И только Он, Христос, делает для нас возможным осуществление подлинного смысла, наше обожение. «Без Него ничто не начало быть». Вне Его немислимо бытие, возможно лишь бывание, призрачное, преходящее существование, прозябание. Только через Христа человек переходит от богомыслия, богословия (теологии) к богоощущению, к богодействию (теургии), к жизни по-Божьему. Лишь через Него он переходит от богоборчества и богорабства к богосыновству. «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня, – говорит Христос. – Без Меня не можете делать ничего». А принявший Его Савл из Тарса свидетельствует о радостном опыте: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе».

Когда мы начинаем на деле осуществлять этот смысл, он, как мы уже сказали, становится целью для нашей воли, становится целью истории».

История есть борьба Христа с Антихристом, как показывает в своей трилогии современный русский писатель Мережковский. Благороднейшие подвиги в истории человечества – не что иное, как борьба за Христа, за Смысл, за Логос, за вечную правду. Эта борьба происходит во всех областях человеческой деятельности.

Наука путем разума отыскивает Логос, единую умопостигаемую истину в явлениях природы материальной и духовной, в законах, которым подчиняются эти явления. Она ищет Логос идей, «вещей истину», она стремится дать истине победу над заблуждением в человеческом мышлении, найти единство в области, мысли, в законах бытия.

Искусство стремится явить в звуках музыки и пения, в линиях и красках живописи, в словах поэзии, в красивых, гармоничных формах статуй и зданий (скульптура, архитектура) – единую совершенную красоту, видимую ризу незримого Логоса. Искусство ищет единства в области воображения, в царстве образов. Христос, воплощенный образ совершенной красоты, является высшим вдохновителем подлинного искусства. Ему посвящено высшее творчество слова (Достоевский), музыки (Бах), живописи (Крамской, Васнецов, Нестеров), ваяния (Антокольский, Торвальдсен), зодчества

(храмовое строительство: Айя-София в Константинополе, Кельнский собор).

Искусство стремится не только изображать жизнь, но и преобразовать ее, по крайней мере, в мире воображения, мечты дать победу красоте над безобразием и уродством в мире человеческого созерцания и этим своим творчеством углубить в человеке жажду осуществления красоты в реальной, действительной жизни.

Общественная деятельность имеет целью строить человеческие отношения в духе Логоса, всеединства, в духе добра. Она ищет единства людей, сочетающего дисциплину и свободу в подлинной, одухотворенной любви. Без Христа в этой области остаются громкие лозунги, резонерство, высокие слова об общественном идеале, на деле приводящие к бесплодным усилиям, расстройству, разрушению. И если что-либо удается в социальном строительстве, как достижение справедливости, то это лишь в результате прямого или косвенного влияния христианства – через воспитание, художественную литературу и т. п.

Истинное осуществление смысла жизни, осмысление бытия заключается в стремлении от хаоса и разделения к космосу, единству. «Смысл мира есть внутреннее единство каждого со всем. В виде живой личной силы это единство есть любовь», – пишет – В. Соловьев. Поэтому всякое проявление нелюбви, себялюбия, эгоизма, эгоцентризма есть отклонение от Смысла.

Эту любовь и правду осуществляли такие друзья человечества, как доктор Гааз в Москве, друг заключенных, Дамиан Востер, друг прокаженных, Авраам Линкольн, боровшийся за справедливое государственное устройство Северной Америки, за освобождение негров. Гуманный дух Евангелия вдохновил американскую писательницу Бичер-Стоу написать произведение «Хижина Дяди Тома», которое своим влиянием на общественную совесть способствовало уничтожению рабства, торговли неграми в ее стране. Идеалы Христа вдохновляли во все времена борцов за социальную справедливость, за освобождение человека, за его достоинство, за его права и обязанности. Здоровая общественная деятельность стремится обеспечить в человеческих отношениях победу мирного сотрудничества и всеединства над разъединением, эгоизмом, войною всех против всех.

Задание бытия, его конечная цель – Бог во всем, единство всех в Боге, божественное всеединство. «Как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино», – так молился Христос, идя на крест, который должен был соединить небо с землей и человека с человеком. С этого креста Его пронзенные руки простерли ко всему миру Божественные объятия всепрощающей любви.

Наконец, помимо общественной деятельности, всякое истинное усовершенствование, выявление в себе божественного начала, развитие в себе хриstopодобных качеств нового человека, освящение, приближение ко Христу, подчинение плоти духу – есть осуществление смысла в каждом из

нас. Не забудем при этом слов «святого доктора» (как называли Ф.П. Гааза заключенные в московской пересыльной тюрьме): «Спешите делать добро!». Таков же завет одного из христианских подвижников: «Не упускай случая к своему обожению». Об этом же говорит совет Владимира Соловьева, выражающий норму нравственного поведения: « Поступай всегда так, чтобы в каждом твоём поступке небо сочеталось с землей».

Сущность всех этих высших заветов выражает Христос в словах Нагорной проповеди: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

ОПТИМИЗМ

В свете этого Смысла мы можем утверждать ценность жизни. Да, смысл в жизни есть, и он осуществим. Стоит жить, трудиться, строить, страдать. И если суждено нам страдать, то не тяжело, а радостно страдать за смысл (но не за бессмыслицу), за добро, а не за зло. И потому оправданы жизнерадостные приятие мира, мировоззрение и мироощущение (объективный оптимизм). В этом смысле прав был известный мыслитель Лейбниц (1646-1716), считавший наш мир «наилучшим из всех возможных миров». Оправдан и оптимизм субъективный, признающий возможность радостного участия в жизни для каждого человека. Поистине каждый призван к участию в осуществлении смысла. Каждый в глубине своего человеческого сознания хочет и каждый может творчески участвовать в строительстве жизни. В этом творчестве – счастье, как справедливо говорит Гауптман в одной из своих драм. Счастье это со-частие, совпадение частей, гармония между моей частью, долей, участью, участием и вечным смыслом, соучастие с ним в божественном творчестве, сотворчество. Оно не в том, чтобы быть великим, а тем более не в том, чтобы лишь казаться великим в своем воображении и в глазах людей, а в служении великому, хотя бы это служение вызывало насмешки и гонения. Нет в мире лишних! Остается каждому из нас найти свое место в этом мире. «Найди себя и свое призвание», – говорит норвежский писатель Ибсен. И только во Христе, в совершенном Человеке, мы находим свое истинное человеческое лицо, свой возвышенный облик, свой лик. И лишь тогда мы находим свое призвание, ибо оно есть слушание высшего зова, идущего из глубин, призывающего нас в той или иной области (специальности) осуществлять заветы Христа. Нет истинного призвания без Призывающего, Того, Кто издревле говорил пророкам: «Иди, вот Я посылаю тебя». Вне Его воли – не призвание, а самозванство. Если бы Ему, Творцу и Хозяину мира, мы, люди, добровольно и сознательно предоставили первое место в управлении нашей экономикой, распределением труда и потреблением его продуктов, то не было бы в мире социальной неправды, не было бы безработицы, всего того, что называется мировым хозяйственным кризисом. Он знает, для чего Он послал тебя в этот мир, и имеет для тебя работу, которая может стать твоим трудом – «любимым, посильным и свободным» (согласно определению Л. Толстого).

Проси своей работы у Бога, Хозяина вселенной. «Проси, ожидай, бери», –

говорит молодежи апостол Индии Вильям Карей, тот самый, который из незначительного работника какой-то фирмы сделался великим ученым-лингвистом и глашатаем Евангелия язычникам Востока. Жизненные факты показывают, что люди честные, добрые, всецело обратившиеся на путь Христа, не бывают без работы. Они всегда нужны. «Трудящийся достоин пропитания».

С другой стороны, как тяжело идти не по призванию, заниматься не своим делом! Как много эмигрантов, жертв великого рассеяния, переживают эту трагедию, будучи оторваны от родной почвы! «Студент противоестественного факультета» – такие слова я прочитал однажды на дверях одной из комнат студенческого общежития в Праге Чешской. «Что это значит?» – спросил я студента, довольно пожилого человека, обитателя комнаты. «А очень просто, – ответил он. – В России я был студентом Академии художеств по отделу архитектуры, ибо это и есть мое призвание. А теперь вот изучаю медицину, что для меня противоестественно. Только ради стипендии (казенного иждивения), которое чешское правительство дает студентам-медикам, я должен был взяться за эту чуждую мне специальность». Он показал мне свой чешский паспорт. В нем в графе «занятие (zamestnani)» – было написано: «русский беженец (rasky uprchlik)»... Это, увы, специальность или доля многих из наших соотечественников на чужбине: русский беженец, эмигрант, «мигрант» – скиталец, не имеющий твердой почвы под ногами, не имеющий веры, как и упомянутый «студент противоестественного факультета». Не эта ли духовная беспочвенность делала русских людей и на родине скитальцами, былинками – перекасти-поле, по словам Достоевского (в его знаменитой «Речи о Пушкине»? Поистине, «находя Христа, мы находим себя», как говорит этот же великий знаток человеческой души и богоискатель.

И мы призваны к тому, чтобы не только видеть, созерцать совершенную красоту, но и приобщиться к ней и создавать жизнь в духе этой красоты, у себя на родине или в чужих краях.

Конечно, в некотором смысле, как сказано выше, оправданы и пессимизм, отрицательное, скорбное отношение к миру, поскольку он лежит во зле, и человек, уважающий себя, не может и не должен мириться с неправдой, насилием, грехом, видимо торжествующими в этом мире. И в этом смысле можно понять Шопенгауэра, который назвал этот мир худшим из всех миров.

Но все это зло в свете вечного Смысла становится лишь препятствием, которое можно и должно преодолеть. И мы призваны идти в этом мире против царящего в нем зла, исповедуя не сентиментальный, мечтательный оптимизм, подобный слащавому мировоззрению Манилова в «Мертвых душах» Гоголя, но оптимизм реальный, жизненный, трезво глядящий в лицо суровой действительности. Это оптимизм пророков, которые беспощадно боролись с временно господствующим, преходящим злом, ясно видя очами веры светлое будущее, созерцая грядущее торжество правды. Они взывают к Богу с пророческой непобедимой верой:

*Через борьбу и хаос дикий,
 Через страдание и ложь
 Ты к гармонии великой
 Народ измученный ведешь?
 (Мережковский)*

В дни антирелигиозной борьбы в Москве нас, представителей Христианского студенческого движения, арестовали за «религиозную пропаганду» и привели в здание «Чеки», в один из подвалов на Лубянке. Там была дверь, ведущая в помещение, где расстреливали. У этой двери на стене кто-то (может быть, смертник) написал углем слова: «И это пройдет!» (см. мои «Записки верующего», стр. 140). И не в этом ли смысле писал В. Соловьев в своих стихах:

*Какой тяжелый сон!
 Толпа немых видений
 Растет, растет и заграждает путь,
 И слышится далекий голос тени:
 «Не верь мгновенному: люби и не забудь.»*

Истинный оптимизм жил в душах пророков, которые очами веры видели грядущую победу правды. Этим пророческим оптимизмом объясняется тот факт, что Христос, идя после Тайной Вечери в Гефсиманию, на позор предательства и ужасы крестных мук, пел вместе с учениками песни хвалы. «И воспевши, пошли на гору Елеонскую». Ибо, сходя с горы Сионской в Гефсиманию, в долину скорби, Он не спускал очей с вершины Елеонской, куда в будущем Он должен прийти во славе.

Этот пророческий оптимизм вложил в уста пророка Аввакума песнь хвалы.

«Хотя бы не расцвела смоковница, и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах; но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего!» Эта радостная вера ободрила Иова в дни его великой скорби и помогла ему не хулить Бога за незаслуженные страдания, а воскликнуть: «Господь дал. Господь и взял; да будет имя Господне благословенно». Великий проповедник Константинополя Иоанн Златоуст бесстрашно обличал в храме сильных мира сего, и в том числе императрицу. В результате он подвергся жестокому гонению и в старости умирал в суровом изгнании на Кавказе. Но пророческий оптимизм вложил в уста умиравшего страдальца за правду слова торжествующей веры: «Слава Богу за все!» (Doxa to theo panton heneka).

Эта пророческая вера живет и в наши дни. Недавно в Германии обратился к врачам человек, больной раком. Злокачественная язва захватила его язык. Врачи сказали ему, что он должен или умереть, или лишиться языка путем операции. Он выбрал последнее. Когда больной лежал на операционном столе, доктор-хирург говорит ему: «Сейчас ваш язык будет удален. Что бы вы

хотели сказать в последний раз?» Больной помолчал и затем громко воскликнул: «Да будет благословенно имя Господа Иисуса Христа!» Его язык замолк. Но свидетельство веры, сказанное с таким самоотречением, будет звучать века... В Америке живет Елена Келлер – глухая, слепая и немая от рождения. Чудом упорной любви и мудрости своей учительницы мисс Соливан она посредством осязания научилась говорить, читать и писать, изучила науки и, в конце концов, стала читать лекции в университете. Одна из ее лекций, появившаяся и в печати, полна жизнерадостной веры. Ее тема: «Об оптимизме». Какой это жгучий упрек всем, кто, имея слух, зрение и дар речи, все же унывает, жалуется, ропщет на жизнь!

В дни суровых гонений на религию в СССР одного из моих друзей отправляли из московской тюрьмы (Бутырки) в ссылку на Соловецкие острова, на далекий, холодный север. Ночью на вокзал пришли его друзья. Они могли лишь издали приветствовать его. А он, стоя на площадке вагона, из-за сверкающих штыков крикнул им одно слово: «Радуйтесь!»

Великий апостол Евангелия Павел писал из тяжелого тюремного заключения христианам города Филиппы в Македонии: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь!» А свой многострадальный путь он выражает словами: «Нас огорчают, а мы всегда радуемся». Между тем это были не мимолетные печали, а жестокие оскорбления, бичевания, побиение камнями до полусмерти, голод, скитания, суровая римская тюрьма...

Саду Сундар Синг, апостол Индии нашего времени, был брошен в Тибете на дно глубокой ямы и там лежал несколько дней среди гниющих трупов. Но он страдал за Христа и потому мог сказать об этом опыте: «Я был словно на небе». В своем письме ко мне в 1929 году, перед своим новым путешествием в Тибет, он написал слова апостола Павла, полные самоотверженной веры: «Я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией».

Радость в Господе, радость возвышенная, одухотворенная была основным переживанием тех, что жили на земле, как граждане Неба, как подданные Царства Божьего. Этот истинный оптимизм, основанный не на компромиссном примирении со злом, на ложно понятом «непротивлении» (См. мою книжку «Когда люда станут братьями?») или на созерцании мира через розовые очки, а на преображении мира и на преодолении царящего в нем зла, принес на землю Христос.

Как найти смысл жизни?

Что для этого делать? На пути к разрешению этого вопроса человеку угрожают две ошибки. Одна из них – ошибка разума (теоретическая). Она заключается в неправильном умозаключении. Отчаявшись в себе, разочаровавшись в своих исканиях, не найдя смысла в себе, в своей жизни, в своем опыте, я заключаю, что этого смысла нет вообще. Между тем из того

факта, что в данное время нет духовного света во мне, отнюдь не вытекает, что его нет вне меня, скажем – в душе пророка Моисея, апостола Павла и других людей, что его нет в бытии вообще. Такое обобщение личного печального опыта (объективирование субъективных ощущений) представляет собой грубую логическую ошибку. Это – «неистовство мысли», согласно выражению американского психолога Вильяма Джемса, который называет пессимизм религиозной болезнью. Не найдя в себе, ищи вне себя. Ибо «свет не клином сошелся» в твоём Я, и не все бытие вмещается в моём маленьком мирке, и это далеко еще не весь вселенский свет, что еле брезжит через темное оконце моего сознания.

Другая ошибка – практическая. Придя к безысходному, мрачному заключению, человек решает покончить с собой и для этого он применяет яд, пулю, петлю и другие средства самоубийства, в то время как они являются лишь путями телоубийства. Выстрелом из револьвера нельзя убить себя, свою душу, свое «я». Можно лишь разбить свой череп, свою физическую оболочку, можно, как сказал некто, даже выколоть себе глаза, чтобы потом блуждать в вечной тьме. Если я стреляю в свое тело, то умирает тело, мое же «я», исполнитель казни, палач – остается жить. А ведь его-то я и хотел уничтожить! Недовольный своей плохой игрой на скрипке, я разбиваю в нетерпении свой музыкальный инструмент, обрекаю себя уже навсегда на «муки невыразимости». Между тем разумно было бы научиться играть хорошо, играть мелодию возвышенную, поднимающую и тебя, и других. Даже проповедник пессимизма Шопенгауэр порицает самоубийство как «совершенно напрасный и безумный поступок». Единственный путь освобождения для человека он видит в самоумерщвлении, в подавлении воли, в подвигах аскетизма. Но такое отрицательное усилие не всегда доступно человеку, а если бы оно и было осуществимо в максимальном смысле, то не могло бы удовлетворить человека его природную жажду жить и творить.

Но как же поистине покончить с собой? Приходит ко мне однажды студент. Лицо его печально. «Я решил покончить с собой», – заявляет он. «Это неплохо, – говорю ему я. Но вопрос в том, как вы это сделаете? Никакое физическое насилие не поможет вам покончить с вашим духом». Никакое духовное усилие аскезы, самоумерщвления не поможет. Но есть верный путь – это покончить с своим маленьким «я» так, как учил Христос, покончить с бессмысленной жизнью, к которой это «я» приводит, вытеснить мое темное, греховное «я» светлым, возвышенным «Я» Христовым... Христос Сам говорит об этом: «Кто хочет быть Моим учеником, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною».

«Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет Душу свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее». Гегель строит на этом откровении Христа свою этику, говоря: «Чтобы жить, надо умирать». В своей книге «Учение о Логосе», проф. С.Н. Трубецкой считает эту мысль сущностью философии Гегеля.

Наша задача не в том, чтобы пытаться починять наше неудавшееся существование, и не в том, чтобы осмысливать бессмысленную жизнь, а в том, чтобы всецело покинуть ее ради жизни истинной. Что же это значит на практике? Как осуществить это на деле? Ясно прежде всего, что для этого нужно что-то делать, а не сидеть, сложа руки, уклоняясь от дела, или пытаться сделать себя навеки неспособным к делу.

Покойный И.С. Проханов, вдохновенный деятель и певец русского евангельского движения, слыл за «неисправимого оптимиста». В дни тяжелых испытаний на вопрос своих немецких друзей: «Как дела?» – он отвечал со своей неизменной детской улыбкой: «Immer besser! Immer besser!» («Все лучше и лучше!»). Его так и прозвали: «Господин Иммер Бэссэр». Однажды в Гессене, сидя за столом, он рассказал нам следующую народную притчу:

Две лягушки попали в горшок с молоком. Одна из них была пессимистка. Она тотчас же пала духом. «Видно, пришел мне конец», – решила она и пошла ко дну. Другая же стала немедленно изо всех сил работать в молоке лапками. Работала, работала... и что же? Из молока образовался кусок масла, которое и всплыло на поверхность. Лягушка вскочила на него, а оттуда выпрыгнула на свободу.

«Она была оптимистка!» – закончил Иван Степанович и раскатился своим жизнерадостным, потрясающим, заразительным смехом, вовлекая в него всех присутствующих.

Студентка в Москве, впавшая в тяжелое уныние под бременем «проклятых вопросов» и сомнений, рассказывала: «Недавно мне случилось оказать каплю милосердия страждущему, и это дало мне такое переживание, что сорок вопросов вдруг как-то сами собой разрешились для меня». Она лишь немного отказалась от себя, и вот уже частично приоткрылась ей тайна Смысла, очарование мира иного, высшего, светлого.

В Париже богатый молодой человек, пресыщенный жизнью, решил покончить с собой. Вечером, когда спустились сумерки, он направился к набережной реки Сены с намерением броситься в воду и тем прекратить свое существование. Вот он снимает с себя пиджак. Случайно его рука опускается в карман и нащупывает там кошелек, полный денег. У него мелькает мысль – отдать эти деньги какому-нибудь бедняку. Он идет по улице. Заходит в какой-то двор, спускается в подвал. Открывает дверь. Перед его глазами картина ужасной нужды. Дети бледные, исхудалые, копошатся на полу в лохмотьях. Больная мать с изнуренным, испытанным лицом лежит на кровати. Он дает ей все свои деньги.словно луч живительного света врывается в темный подвал. Неземная радость засияла в глазах матери, зазвенела радостным смехом детей. Вот и помощь пришла! Будет хлеб, будут и дрова!

Эта радость перебросилась и в сердце юноши. Впервые он постиг тайну неземного блаженства: счастье в том, чтобы других делать счастливыми! И он не пошел к реке топить ни в чем не повинное тело, но решил покончить с

собой, с своим эгоистическим «я», утопить свое «я» в море страдания людского, чтобы жить не для себя, а для других, униженных и оскорбленных.

Покойный П.Н. Николаи, посвятивший свою жизнь христианской работе среди русских студентов, рассказывал о молодом человеке в Швейцарии, который под влиянием превратных философских учений потерял всякую веру в ценность жизни. И вот он решил положить ей конец.

Но в последнюю минуту его осенила мысль: «А что, если Бог существует? Ведь я никогда не обращался к Нему». И вдруг из глубины его измученного, опустошенного сердца вырвалась молитва: «Боже, если Ты существуешь, спаси меня!» Эта молитва была услышана, ибо в ней были не только слова, но томление и крик души. И эту душу озарило нечто свыше, и он вернулся к жизни, вернее, впервые нашел ее. Так и в этом случае исполнилось обетование, данное Богом через пророка Иоиля, который говорит о временах Мессии: «И будет, всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Конечно, кто призовет не только устами, а всем сердцем, предавая себя на полную волю, на всецелое господство Творца. И этот человек был спасен, и прежде всего, от самого себя: он покончил с собой, чтобы жить не для себя, а для Бога. Он сверг с престола самолюбия свое «я» и провозгласил над собой господство Бога, царство Божие.

Я вспоминаю свои студенческие годы, время безотрадного пессимизма, недовольства собой, своим нравственным состоянием. Я жил в Петербурге, на Васильевском острове. Как сейчас, вижу перед собой Тучков мост. Проходя по нему, я глядел вниз, в глубокие воды и думал: вот, момент, одно движение – и я освобожусь от тягостного бремени, от самого себя. Но как раз эта мрачная юношеская меланхолия, разочарование в себе и подготовили во мне почву для принятия света Христа. Сильнейшее препятствие на пути к Богу – мое самолюбование, самообожание – было подорвано в корне сознанием своей греховности. Неудивительно, что после того душа со всей юношеской жадностью устремилась к Христу. В результате самопознания, покаяния и обращения к Богу во имя Христа снизошли в сердце мир, прощение, духовная сила и свет. Он Сам явил Собою мир, Он, источник силы освобождающей, побеждающей искушения. Он, Христос, Божественный Логос, – стал живым светом, озаряющим путь. Смыслом, ведущим, открывающим впереди цель жизни.

Два ужаса – ужас бесцельности и ужас бессилия – исчезли, как мрачные тени в свете ярких лучей. Они сменились радостным сознанием ценности и смысла бытия и возможности моего личного участия в творчестве жизни. Ибо Христос поистине открывает перед очами лазурные дали и сияющие Сионские высоты. Он зовет: «Следуй за Мною». И Он же дает силы идти через камни и тернии, наступать на змей и скорпионов, побеждать Его именем силу искушений, власть греха.

Саду Сундар Синг, богоискатель нашего времени, пережил глубокий духовный кризис. Он был богат. Изучил мудрость восточных религий. Знаком

был с Библией. Однако не находил мира. Однажды рано утром он решил броситься под поезд. Но в последний момент Сам Христос явился ему, светлый и прекрасный, в неотразимом обаянии мира и любви. Некогда подобную встречу пережил Савл на пути в Дамаск. Сундар Синг слышал зов Христа. Мир нисшел в его душу. Он отвергся себя, взял на себя крест поношения Христова и пошел безоглядно за Учителем. Родители прогнали его из дому. Он отправился странствовать с благою вестью Евангелия и стал впоследствии апостолом Индии.

Величайшим примером того, как человек поистине кончает с собой и начинает жить для Христа, жить Христом, является апостол Павел. «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос». Так он выражает сущность своего обращения, тайну своей творческой силы (в Послании к Галатам). Он стал орудием Христа. И теперь не Павел, а Христос через Павла стал действовать Своим преображающим светом и всемогущей силою, покоряя истине через этого верного свидетеля Евангелия народы языческого греко-римского мира. В Афинах я видел место, где в древности находился Ареопаг (народное судилище Греции). Там, на одной из скал Марсова холма, высечен знак креста; здесь некогда, согласно историческим данным, стоял апостол Павел и мужественно возвещал афинянам Евангелие о Христе, о Логосе, смутное понятие о котором греческая мудрость уже предчувствовала в лице гениального мыслителя Платона. Что давало непобедимую силу этому незначительному чужеземцу-иудею неустрашимо стоять перед лицом сильных и мудрых мира сего? Он стоял на камне веры – не в себя, а во Христа. Свое «я» он подверг распятию и попирал ногами это распятое, отвергнутое «я» для того, чтобы беспрепятственно мог говорить и действовать через него Свет мира. Он говорил о Распятом со властью, потому что сам пережил распятие и мог сказать о себе: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос».

Евангелие света

Как-то, будучи в Варшаве, я посетил в больнице своего земляка. В моем родном селе он слыл за весельчака и танцора. Теперь его постигло несчастье. Работая на разгрузке вагонов с железной рудой, он стал жертвою неожиданного взрыва: его лопата наткнулась на динамит, оставленный по недосмотру в вагоне. Ему засыпало глаза мелкой, раздробленной рудой. Его отвезли в больницу и там вынули один глаз, безнадежно испорченный. Теперь он лежал в ожидании операции над другим глазом. Впереди ожидала печальная участь – быть слепым в расцвете молодости. Я беседовал с ним, старался ободрить его. Напомнил ему слова Христа, которые касаются и слепых, и зрячих, слова о зрении духовном: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Он слушал внимательно. Когда я уходил, он сказал: «Подождите... пока Вы говорили со мной, я все время повторял в уме слова Христа. Вот теперь я скажу их... слушайте!» И он повторил почти без ошибки слова из Евангелия ([Иоан. 8:12](#)).

Месяца через два он посетил меня на Волыни. Был веселый и бодрый. Оба глаза были на его лице: один искусственный, стеклянный, другой настоящий, который удалось спасти. «А главное, – сказал он, – я не забыл те слова Христа, которые поддержали меня тогда в минуту отчаяния в больнице». О, он знал теперь новое о жизни, он знал о новой жизни, полной вечного смысла. Это откровение света пришло в его душу, когда она была во мраке уныния.

На Востоке, в Индии, за шесть веков до Рождества Христова родилась проповедь Будды, религия отчаяния, зовущая бежать от жизни. Там же, в Индии, есть страшный обычай священного самоубийства. Человек совершает долгое паломничество из своего села в священный город Бенарес и там бросается в священные воды реки Ганга, чтобы покончить со своими страданиями. Он погружается в воду в надежде утопить свое тело и себя самого, освободиться от этого тела греха и смерти. Это мрачное воззрение, плод безысходного отчаяния, родилось до пришествия в мир Спасителя. Это все, до чего могла додуматься религиозная мысль Востока, предоставленная самой себе. В данном учении пессимизма есть доля истины. Эта земная жизнь полна греха и страдания; этой жизнью, как она есть, поистине жить не стоит. Подобное отрицание этой жизни, царства этого мира мы видели уже из Евангелия. Его с особенной силой выражает Иоанн Креститель, последний ветхозаветный пророк покаяния.

(Интересно, что Будде Владимир Соловьев приписывает в некотором смысле роль Иоанна Крестителя в языческом мире, ибо он подготовил в нем отвращение к царству тьмы, без чего невозможно обращение к царству света). Иоанн Креститель также звал кающихся к водам, к священным водам Иордана, – они должны были погрузить в его волнах греховное тело, очистить покаянием греховное «я». К подобному священному погружению призывали верующих и ученики Христа, согласно Его завету. Каявшиеся и веровавшие погружались в водную могилу, но не с тем, чтобы остаться там, как это делают язычники в Индии, но чтобы выйти обновленными, воскресшими во Христе. Умирили для греха, мира и себя, чтобы жить для Христа. В этом сущность и преимущество Нового Завета. Он не только освобождает человека от греховного прозябания, но вводит его в новую жизнь. Он открывает человеку Евангелие света, радостную весть о том, что «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы», что этот «Свет пришел в мир – и Его могут принять все, томящиеся во тьме. Каждый из нас призван не только видеть свет, но и быть сыном света, не фонариком только, а светоносным, светорожденным, преображать темную среду, во тьме зажигать искры света. «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света», – говорит Христос. Не об этом ли мечтает древняя славянская поэма «Слово о полку Игореве», называя людей Дажьд-божьими внуками, т. е. потомками солнечного божества – Дажьд-бога? Не о том же ли говорит позднейший поэтический вымысел о «Детях Солнца»? Эту жажду света удовлетворяет Христос, но уже в высшем, духовном смысле, и притом не в мечте поэтического вымысла, а в действительности. Каждый из нас призван к этой радости – иметь свет и

распространять его, способствовать просвещению «сидящих в стране тени смертной».

*Выходи к воротам,
И фонарь пред собою носи –
Хоть погибни ты сам,
Но того, кто взывает, спаси!*

Не так давно богатая американская нефтепромышленная фирма искала в Китае кандидата на службу в своем предприятии. Он должен был удовлетворять следующим требованиям: иметь техническое образование, знать английский и китайский языки, быть честным, молодым. Нашли в Шанхае соответственное лицо. Это был проповедник Евангелия, который, получая скромную материальную помощь, самоотверженно распространял христианство среди китайского народа. Представитель фирмы посетил его. Он предложил ему новую, весьма выгодную работу, за которую он будет получать денег в десять раз больше, чем та поддержка, которую он имеет. Он назвал при этом большую сумму жалованья. Проповедник молчал. «Что? Разве этого жалованья мало вам?» – «Жалованье-то большое, – ответил он, – да дело маленькое!» И правда! Что выше? Быть на службе у американских капиталистов и продавать керосин, распространяя физическое освещение, или – служить Царю неба и земли и распространять вечный свет Евангелия? И хотя не каждый из нас призван посвятить себя всецело проповеди Евангелия, но мы все, кто бы мы ни были – крестьяне, рабочие, чиновники, учителя, инженеры, доктора, – все мы призываемся быть свидетелями Христа, пионерами царства света. Только бы не упустить эту великую возможность, «доколе свет с нами», пока день не склонился к вечеру...

В Париже есть подземная железная дорога, называемая метрополитеном, сокращенно – метро. Она тянется в разных направлениях города по длинным туннелям, выкопанным на равной глубине, иногда проходит даже под рекой Сеной.

Был вечер субботы, когда движение в городе особенно велико: в это время служащие и рабочие возвращаются по домам. Трамваи и автобусы переполнены. Так же и под землей, в метро, струились теперь целые потоки людей. Я спустился туда же. Там, под землей, публика, торопясь, расходится по широким коридорам, облицованным красивыми цветными изразцами, освещенным сотнями электрических лампочек. Люди бегут, обгоняя друг друга, – каждый спешит к своему поезду. Мощные вентиляторы освежают воздух, который все же сохраняет какой-то особый привкус, напоминающий запах угля. Вдруг – что это? На перекрестке подземных путей сыплется дождь огненных искр. Какой-то молодой человек, быстро манипулируя двумя никелевыми приборами и поворачиваясь во все стороны, непрерывно и энергично бросает обеими руками в подземный сумрак вспыхивающие искры. А рядом с ним другой юноша предлагает проходящим дивные, душистые розы. Люди, бегущие толпой, невольно обращают внимание на этих

продавцов.

Некоторые останавливаются около них. Искры – это световая реклама. Да и как иначе привлечь внимание толпы большого города, усталой, спешащей домой в конце трудовой недели! Я подумал тогда: так именно мы должны проповедовать Евангелие света. Слова наши должны быть подобны ярким, алмазным искрам, сверкающим во мраке этого мира. А страницы Нового Завета – как благоухающие лепестки роз, пусть привлекают взоры и сердца, пусть влекут к себе, как счастье, радость и жизнь. Слова Божии должны быть, как огонь расплавляющий, как молот, разбивающий скалы. Тогда и глухие услышат их. И современный человек с притупленными нервами и усталой, разочарованной душой встрепенется на зов радостной вести. Гори же сам, чтобы светить! Говори энергично, горячо, с радостью и любовью! Во тьму этого гибнущего мира бросай не сухие листья, не мякину, а сверкающие, огненные искры! Какое счастье участвовать в этой борьбе света с тьмой, подвизаться за победу света! Но для этого надо прежде всего найти этот свет. Чтобы обрести свет, надо выйти из этого мира, лежащего во зле, ибо «все, что в мире, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская», и они-то делают жизнь бессмысленной и безрадостной. Нужно не искать света во тьме или вымышлять его. Нужно выйти из жизни темной и бесцельной и войти в жизнь истинную, в царство света, в царство не от мира сего. Нужно стать учеником Христа, вечного Смысла, Божественного Логоса, а для этого, как Он Сам говорит, отвергнуться себя, взять крест свой и следовать за Ним – отказаться от своей воли, чтобы принять Его волю, отвергнуть свое «я» и принять Живого Христа, оставить дела плоти и дать место Духу, свергнуть волю мира сего, страх перед человеком и преклониться перед волей Отца. Выйти и войти... Отвергнуть и принять. Поэтому и сказал Христос: «Покайтесь и веруйте в Евангелие». «Покайтесь», по смыслу греческого слова «мэтанойтэ», значит: «перемените образ мыслей» – о зле, которое вы привыкли ценить, и о добре, которое вы привыкли отвергать, и примите добро, живое, воплощенное, примите Христа!

В драме бельгийского поэта Метерлинка «Синяя птица» дети в поисках счастья находят царство света, где в лазурном воздухе реют синие птицы; они пробуют взять их оттуда в свою обыденную обстановку, но там, вне своей природной, родной атмосферы, птицы умирают. Подобно этому напрасно брать лоскутья новой одежды и пришивать их к старой. Нужно облечься в нового человека, облечься во Христа, «войти в жизнь», как сказал Христос богатому юноше. «Рожденное от плоти есть плоть», а участь плоти – смерть и бессмыслица. И потому, чтобы увидеть жизнь света и войти в нее, нужно стать новым человеком. «Рожденное от духа есть дух». «Должно нам родиться свыше», – так учил Христос. Чтобы осуществилась конечная цель бытия – «Бог все во всем», – Он должен стать прежде всего всем во мне. И в том состоит радость Евангелия, что воплощенный Смысл Сам в лице Христа смертью крестной совершил дело искупления, победил, воскрес и теперь зовет каждого принять Его, разделить Его победу и участвовать в

распространении царства света. Он открылся людям. Он не «скрывает Себя от нас, но мы скрываем себя от Него». В этом сущность обращения. И вот как оно происходит. Я решаю дать этому предвечному свету доступ в мое сердце, в мое сознание прежде всего через чтение или слушание Евангелия. Буду читать его усердно, настойчиво, с душой простой и открытой (См. мою статью «У ног Христа» (о чтении Евангелия)) – и тогда священные слова окажутся не мертвыми буквами, а окнами, прорывами в вечность. Переворачивая священные страницы, словно касаешься нежных лепестков роз, источающих благоухание. Свет начинает заливать темные уголки души, побеждать сомнения, исцелять раны, радовать лицезрением неизреченной красоты Христа, согревать Его любовью. Зарождается вера; она возрастает, пока наконец душа не становится способной воскликнуть, подобно Нафанаилу: «Учитель! Ты Сын Божий, Ты царь Израилев!»

Открывается окно, око нашей души, – на лазурные высоты, на восходящее Солнце, на небо отверстое, на «ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому». В это время поистине – «глаза твои увидят Царя в красоте Его, увидят землю отдаленную» ([Иоан. 33:17](#)); уже не «проклятая Мейерова стена», заслоняющая горизонт, а бесконечные светлые дали откроются взору. Подобно Фоме, мы узрим раны Его. Если и не узрим, как он, телесными очами, зато, как и он, ощутим исцеляющую силу этих ран над нашими ранами и язвами, измучившими дух наш и тело. На опыте познаем силу древнего пророчества о Мессии: «Ранами его мы исцелились» – и вместе с Фомой воскликнем ко Христу: «Господь мой и Бог мой!»

Уже не вера, а знание, основанное на личном опыте, на личной встрече со Христом, позволяет нам сказать вместе с апостолом Петром: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты – Христос, Сын Бога Живого». «Эта живая вера делает нас детьми Божиими, сынами света, согласно слову Евангелия: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божьими». Через Христа мы рождаемся от Духа, Который некогда, в дни творения мира, носился над бездною, претворяя темный, безвидный хаос в светлый, прекрасный космос. Этот Дух является автором мироздания, человека и самого Евангелия. Через Христа мы вступаем в родство с этим Духом, приобретаем новую природу, родственную Ему, конгениальную с Ним. Облеченные силою этого Духа, все живые христиане, начиная от апостолов, шли в темный, погибающий языческий мир, неся Евангелие Света всем томящимся в бесплодных поисках Смысла.

В наши дни сгущается тьма. Надвигаются сумерки истории. Ночь спускается на землю. Близится время, когда померкнет солнце, не только видимое, но и духовное – оскудеет свет в сердцах людей, оскудеют вера и любовь. Это – кризис духа, влекущий за собою кризис внешний, общественный и экономический. Кризис духа грозит упадком, унынием, отчаянием. Люди устанут душой и потеряют желание жить. Близится время, о котором сказано:

«На земле уныние народов и недоумение, и море восшумит и возмутится. Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную» ([Лук. 21:25-26](#)). В эти дни духовной разрухи и хаоса, видимого торжества бессмыслицы и власти тьмы прислушаемся к тихому голосу Христа: «Я свет мира. Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни».

Некогда, за четыре века до Р. Х., греческий мудрец Платон, отчаявшись найти смысл на земле, восклицал: «Разве нам ждать с неба Того, Кто придет и снимет повязку с наших глаз?» Еще раньше подобный вопль к Богу раздался из уст пророка Исаии: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» И он воистину сошел и стал человеком, и «мы видели славу Его». И теперь, двадцать веков спустя после того, как свет пришел в мир, наше дело не в том, чтобы теряться в бесплодных поисках, не в том, чтобы искать, а чтобы принять. Ибо «свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. А поступающий по правде идет к свету»...

Если есть смысл в бытии, то посвятим ему лучшую пору нашей жизни, ее расцвет и первую любовь. И так как Смысл воистину существует, то скорей, скорей начнемте жить в Его свете, пока жизнь перед нами, пока есть в сердце способность желать и дерзать!

Недавно в Англии умер известный общественный деятель. Всю жизнь он был атеистом. Но на одре смерти благая весть о Боге и вечности коснулась и его. Он принял Христа и Его спасающую благодать. Однако в последнюю минуту, оглядываясь на протекшую жизнь, он с грустью сказал: «Моя душа спасена, но... моя жизнь потеряна». Какое горькое признание в этих последних словах умирающего! Какой убедительный призыв ко всем нам – лучшую пору своей жизни, ее весну, ее юность посвятить осуществлению смысла, добра, красоты в окружающих вас условиях, с ранних лет быть глиной в руках Божественного Ваятеля, Который силен претворить ее в образ совершенной красоты, быть стрелой в руке Вседержителя, зная, что она рано или поздно достигнет идеальной цели, заданной человеку... быть богоподобным.

В Москве, в дни революции, я видел в одном из журналов картину... Высокая, статная девушка идет через поле. Среди цветов алых и лазоревых она нащупывает дорогу длинным посохом. Она слепая. Она не смотрит, а прислушивается кверху обращенным, настороженным лицом. Перед нею вблизи зияет пропасть... Под картиной надпись: «Родная, не оступись!»

Это зов к молодежи, ко всем, кто стоит на распутье, кто блуждает, не зная дороги. Не к ним ли говорит Христос: «Я есмь путь... никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Я – свет... следуй за Мною».

Кончая, вспомним, с чего мы начали. Ужасно не иметь цели. Страшно знать цель и не иметь силы к ее осуществлению. Эти два ужаса – бесцельности и бессилия – устраняет Живой Смысл бытия – Христос. Он – цель. И Он – источник силы.

Странствуя по разным краям Европы и Азии, я видел тысячи юношей и девушек, целое движение молодежи ко Христу. Они нашли Его, и в Нем смысл и цель жизни. Они несут Его свет в практическую, личную и общественную, жизнь. Своей деятельной и радостной жизнью они вновь и вновь свидетельствуют миру, что Евангелие не устарело и не умерло – наоборот, мир и человек стареют и духовно умирают без его животворящего света. Она, эта просветленная молодежь, исповедует религию радости и неиссякающей молодости духа, способную вдохновлять и преображать. Она зовет и тех, кто опоздал на пути, поспешить, пока день не склонился к вечеру, принять Свет Незакатный сегодня, сейчас...

Дермань на Волыни 24 апр. 1939 г.